

В 6 вечера их пропустили в реанимацию.

Когда они вошли в палату, им выдали бледно-зеленые стерильные медицинские халаты и шапочки, а также специальные маски. Ко всему прочему, нужно было продезинфицировать руки и ноги. Что касается Тошиаки, то он уже был знаком с таким видом процедуры, проведя огромное количество опытов над животными, где использовалась такая же одежда для защиты от инфекции. Но он никогда не думал, что ему придется надевать ее в больнице. Отец Кийоми по профессии был хирургом и в таком наряде он выглядел очень представительно. Из всех троих только маме Кийоми было непривычно в таком одеянии, ее явно раздражала грубая ткань, прилегающая к коже.

На удивление это оказалась большая комната. Там было несколько каталок, выставленных вдоль стены, рядом с некоторыми из них стояли установки для переливания крови. На стене были установлены два маленьких монитора, от которых тянулись бесчисленные трубки и провода. Не беря во внимание все это современное оборудование, большинство мест пустовало, придавая комнате сонную и безжизненную атмосферу.

Кийоми лежала на второй от входа кровати. В ее ноздри были вставлены трубки. Тошиаки пробежался по ним взглядом. Они шли от носа к какому-то резервуару, по форме похожему на ведро, а дальше к белому аппарату, на котором было несколько ручных переключателей и измерительный прибор со стрелкой, которая колыхалась то влево, то вправо, в пределах своей заданной дуги. Устройство было небольшим, но каждый раз, когда стрелка подпрыгивала, оно издавало громкий шипящий звук. Это был аппарат искусственного дыхания, как и сказал доктор. А оба настенных монитора показывали мозговую активность Кийоми.

Все собрались вокруг Кийоми и уставились на нее. Ее голова была выбрита и обмотана тканью и бинтами, но остальная часть тела была просто прикрыта простыней, так что других травм, судя по всему, не было. Не считая шрамов на голове, Кийоми выглядела совершенно невредимой.

Когда они вышли, доктор пригласил их в свой кабинет. Он предложил им присесть и сам расположился за своим рабочим столом. На настенном негатоскопе были отображены снимки компьютерной томографии Кийоми. Показав им результаты электроэнцефалограммы, доктор приступил к подробным объяснениям. По его словам, смерть мозга уже была необратимой, когда из-за оттока крови перестал функционировать ствол мозга. В этом главное отличие от «вегетативного состояния», когда ствол мозга все еще работает. В соответствии со стандартами Министерства здравоохранения, больнице необходимо проверять любое предполагаемое состояние пациента при помощи официально установленных обследований. Также доступны дополнительные анализы мозговой активности, наряду с более детальным КТ-сканированием.

— Вот результаты первых тестов, проведенных в 5 часов.

Доктор передал им бланк с результатами Кийоми: ее слуховой реакцией, расширением зрачков и респираторными тестами. Затем детально объяснил каждый пункт. Он подчеркнул, что, несмотря на стимуляторы, нет никаких заметных изменений в ее мозговой или дыхательной активности. Если снять с нее респиратор, она перестанет дышать, произойдет остановка сердца и резкое падение температуры тела.

Правая половина бланка была пуста, туда будут занесены результаты повторных анализов, назначенных на вторую половину дня.

— Посмотрим, покажут ли они такие же результаты. К тому времени уже пройдет более шести часов с момента первого обследования, и мы гарантируем, что никаких ошибок уже быть не может.

Тошиаки слушал доктора только краем уха. Он никак не мог выбросить из головы умиротворенное выражение лица Кийоми.

— Мы пока оставим ее на искусственном дыхании. Но я бы посоветовал вам, всей семьей, обсудить вопрос об отключении ее от аппарата. Даю вам слово, что до того момента, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы поддерживать ее текущее состояние. Мы будем держать ее на внутривенном питании и периодически перекладывать ее во избежание пролежней. Тем не менее, я прошу вас понять, хотя Кийоми-сан все еще дышит, фактически, она мертва...

Тем же вечером они вернулись в реанимацию и сели у постели Кийоми. К этому времени ее отец уже лучше справлялся со своими эмоциями, в отличие от матери, которая была еще не в состоянии что-либо осмыслить, обливаясь слезами. Тяготы этого дня отпечатались темными кругами вокруг ее глаз. Истощенная, она опустилась на кровать. Отец Кийоми, понимая, каким тяжелым оказался сегодняшний день для его жены, решил, что им лучше вернуться домой.

Тошиаки было не до сна, и он остался.

Около 10 вечера вошла медсестра с мокрым горячим полотенцем, чтобы сделать обтирание. Миниатюрная медсестра источала добродушие. Ей было около 20 и она проявляла невероятную искренность и особое внимание в уходе за Кийоми, что тронуло Тошиаки до глубины души.

Помогая медсестре с ее работой, Тошиаки снова почувствовал тепло кожи Кийоми. На ее спине виднелись капельки пота, а изо рта выступила слюна. Ее кожа все еще была упругой, на щеках проступал бледный румянец. Тошиаки никогда не видел человека в состоянии так называемого «овоща», но когда он смотрел на тело Кийоми, именно этот грубый термин приходил ему на ум.

— Пожалуйста, поговорите со своей женой, - с улыбкой сказала медсестра, когда выходила из палаты, чтобы опустошить больничную утку. - Это подбодрит ее.

Тошиаки не сомневался в словах медсестры и поэтому всю ночь проговорил с Кийоми, держа ее за руку. Он рассказывал ей, как прошел его день. Делился с ней своими воспоминаниями и говорил о тех вещах, которые больше всего в ней любил. Своей рукой он чувствовал тепло ее ладони. Ее грудь поднималась и опускалась одновременно с шипением, издаваемым аппаратом искусственного дыхания, которое эхом отдавалось по реанимации.

Рано утром Тошиаки отправился в университет, преодолев внезапное желание побыть в одиночестве. Он медленно ехал по улицам, которые теперь казались лишенными теней и форм. Вокруг университета витал слабый туман. Вдохнув влажный воздух, Тошиаки вошел в здание и направился прямо в свою лабораторию. Было еще довольно рано, и внутри никого не было. Он подошел к своему столу, откинулся в кресле и сделал глубокий вдох. За окном бледные дома вдоль дороги растворялись в далекой дымке.

В его голове кружился образ неподвижной Кийоми.

Тошиаки был свидетелем смерти близких ему людей много раз. Больше, чем ему бы хотелось. Будь то от неизлечимой болезни или просто от старости. Он мог со всей уверенностью сказать, что способен понять смерть. Пока не увидел тело своей жены, неподвижно лежащее на больничной кровати. И все его прежние суждения о смертности теперь были неприемлемы.

Но действительно ли она мертва?

Пребывая в состоянии близком к бреду, Тошиаки чувствовал, как его пессимизм столкнулся в коварной лавине конфликта с теплом, витающим в его руках с позапрошлой ночи.

Из медицинских журналов, телевидения, газет и различных учебных материалов он знал, что вокруг такого явления как смерть мозга ведется множество споров. Как бы то ни было, отношение самого Тошиаки в этом вопросе было положительным. Смерть мозга была для него научным вопросом, который незаслуженно подвергся сентиментальным осуждениям. Он задавался вопросом, почему пациенты, крайне нуждающиеся в трансплантации, не могут решиться на пересадку органов от донора, у которого произошла смерть мозга?

Он прикусил свою губу при мысли о том, как у Кийоми забирают органы, пока она еще жива.

Тошиаки препарировал крыс и мышей почти каждый день, но он никак не мог привыкнуть к этому. Он чувствовал себя ужасно некомфортно, когда представлял себе, что такие же действия проводят и над человеческими телами. В его голове картинка анестезированной крысы с разрезанным животом перекрылась образом обнаженной Кийоми, печень и почки крысы переместились в ее брюшную полость...

Почки.

Тошиаки закрыл глаза.

В прошлом году Кийоми зарегистрировалась как донор почки. Сейчас он отчетливо вспомнил об этом.

Тошиаки одобрял трансплантацию органов. Конечно, было бы замечательно, если бы почки Кийоми оказались полезны и помогли кому-нибудь. Но пока она жива, и ее сердце уверенно бьется, он не мог смириться с мыслью об их извлечении. Он попросту не чувствовал, что его жена мертва. Был уверен, что она поправится и будет жить.

Он открыл глаза. Туман снаружи уже рассеялся, и здания вдоль улицы встречали рассвет, ослепительно сверкая в лучах утреннего солнца. Где-то вдалеке послышался крик вороны. Начинался новый день. Для большинства людей он будет таким же, как и все остальные. Но для Тошиаки это станет днем, когда он осознает реальность всего произошедшего с женой, что оставит за собой первые неизгладимые следы в его жизни.

Ему нужно было ехать. Но прежде чем вернуться в больницу, он направился в комнату культивирования, чтобы еще раз проверить свои клеточные культуры. Если они стабилизировались, он заменит их новыми.

Тошиаки осмотрел свои колбы под микроскопом. Не было ничего, что заслуживало особого внимания. Он рассеянно посмотрел на его гибридомы и культуры раковых клеток. Внезапно, к нему пришла идея.

Тошиаки отвел глаза от линз и посмотрел на красный индикаторный раствор внутри колбы. С его губ сорвался изумленный возглас.

— О, Кийоми...

Его сердце бешено колотилось. Он вскочил со стула. Идея быстро заполнила весь его разум. Пошатываясь, он не мог оторвать глаз от колб на столе.

Несомненно, тело Кийоми перенесло серьезную травму мозга. Тем не менее, когда он держал жену за руку, он знал, что жизнь все еще теплится в ней.

Не все в ней умерло.

Его глаза все еще были прикованы к колбам. Тошиаки сжал кулаки и закричал в потолок.

Больница была слишком далеко...

Он вдавил педаль газа и поспешно переключил передачи, бормоча себе под нос имя Кийоми. Столько всего нужно сделать. Для осуществления своего плана он должен узнать, что скажут родители Кийоми об извлечении ее почек, связаться со своим старым другом хирургом, и, в конечном счете, получить одобрение врача. Тошиаки был уверен, что все пройдет без помех. Кийоми все еще жива. И теперь, зная это наверняка, слезы хлынули из его глаз.

Отныне, моя дорогая, мы всегда будем вместе...

Его душа ликovala.

<http://tl.rulate.ru/book/18422/385392>